

О. В. Овсянников

ЗАМЕТКИ О СЕВЕРНЫХ КОСТЕРЕЗАХ

Северная резьба по кости, и в первую очередь холмогорская, не раз привлекала внимание исследователей¹. Тем не менее в изучении этой отрасли ремесла существует ряд вопросов, которые все еще остаются недостаточно освещенными. Это — определение удельного веса резьбы по кости в ремесленном производстве поморского севера, степень спроса и рынки сбыта, бытовые условия работы, выяснение наиболее полного списка имен мастеров².

Автор не ставил перед собой задачи в данной работе решить все перечисленные проблемы. Однако рассматриваемые материалы представляют интерес при изучении истории развития крупнейшего костережного центра России — северного Поморья — и могут быть использованы при дальнейшем исследовании этой темы.

Костережная мастерская в Холмогорах. В 1960 г. археологическая экспедиция Архангельского областного краеведческого музея под руководством автора провела археологическую разведку древнего культурного слоя в районе с. Холмогоры и исследовала участок этого слоя на одном из пяти посадов древних Холмогор — Падракурском³. В культурном слое мощностью до 1 м залегали остатки жилых и хозяйственных комплексов середины XVII — первых десятилетий XVIII в. Этому хронологическому периоду соответствовали три строительных горизонта. Особый интерес для нас представляет второй строительный горизонт, датируемый последней четвертью XVII — самым началом XVIII в., где рядом с многокамерной, вероятно, жилой, постройкой раскрылись остатки производственного помещения, заполненного большим количеством костяных изделий, полуфабрикатов, инструментами костережа. Уже сам факт обнаружения костережной мастерской этого времени заслуживает большого внимания.

Основным сырьем мастеру служила коровья кость — так называемая цевка. Значительно меньше найдено обломков рогов лося и северного оленя со следами спилов и срезов. Обнаруженный костный материал позволяет хорошо представить процесс предварительной обработки кости. Найдены целые, хорошо вываренные и подготовленные к дальнейшей обработке заготовки, от которых откалывались или срезались небольшие пластины. Затем они обрабатывались напильником или шлифовались. Обнаружено более 70 крупных кусков кости со следами обработки. Свообразными заготовками являются и небольшие куски кости, обструганные, со следами спила, по внешнему виду напоминающие карандаши. В дальнейшем они могли пойти на изготовление различных мелких вещей (наиболее крупных таких заготовок найдено 10). Любопытны небольшие

¹ И. А. Камкин, Резьба по кости на Севере, Архангельск, 1927; Б. М. Зубакин, Холмогорская резьба по кости, Архангельск, 1931; В. М. Василенко, Северная резная кость, М., 1947; М. Рехачев, Холмогорская резьба по кости, Архангельск, 1949; И. Н. Уханова, Опыт классификации памятников северорусской резной кости XVIII — начала XIX вв., «Материалы по этнографии», Географическое о-во СССР, вып. II, Л., 1962, стр. 18—33.

² Вопрос о костережах-ремесленниках для XVIII — начала XIX в. поставлен в работах: И. Н. Уханова, О холмогорских костережах XVIII — начала XIX в. в Петербурге, «Сборник Гос. Эрмитажа», вып. XV, Л., 1959; стр. 15—17; е е же, К вопросу о формировании костережных центров в России XVIII — начала XIX в., «Материалы по этнографии», вып. II, Л., 1962, стр. 4—17.

³ В работе экспедиции принимали участие Т. А. Бернштам, фотограф В. Е. Гайкин, учащиеся средней холмогорской школы. Вскрытая площадь составила почти 600 м².

костяные пластины, обработанные, как правило, с одной, лицевой поверхности, с правильными круглыми отверстиями (диаметр отверстий 0,6—1,3 см, но на одной пластине отверстия всегда одинаковые). Когда ширина пластины позволяла, на ней делались два ряда таких отверстий. Кружки вырезались из пластины полым сверлом. Пластины, как правило, сверлились с двух сторон. Трудно сказать, на какие поделки шли вырезанные из пластин кружки, точнее, невысокие цилиндры (высота 0,3—0,6 см).

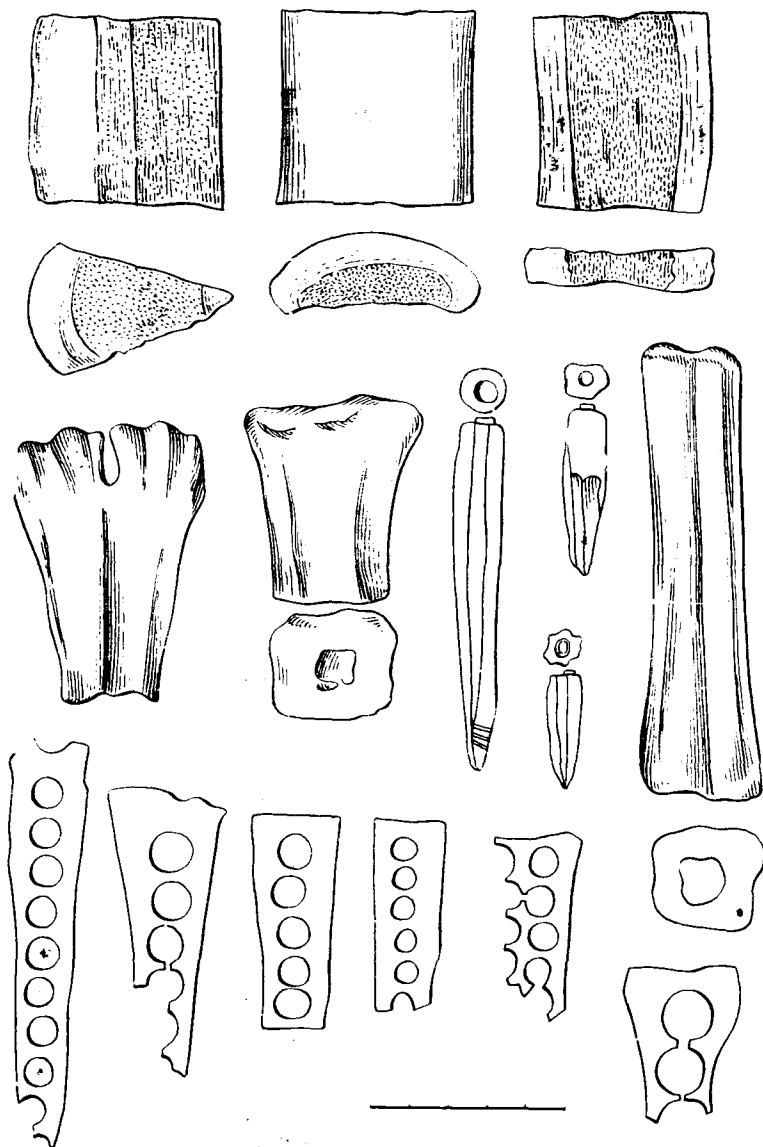

Таблица I. Костяные заготовки и отходы из костерезной мастерской на Падракурском посаде

Всего найдено более 40 таких пластин. Обнаружен также цилиндр диаметром 1,1 см, высотой 0,8 см, но он вырезан из более толстой пластины (табл. II, рис. 3). Пластины, из которых выбраны кружки, являются, по-видимому, обычным отбросом костерезного производства. Подобные пластины встречены в синхронном культурном слое древней Москвы⁴.

Большую часть отбросов в обнаруженной мастерской (около 200) составляли мелкие осколки и спленные куски кости.

⁴ М. Г. Рабинович, О древней Москве, М., 1964, рис. 56 а, 58, б.

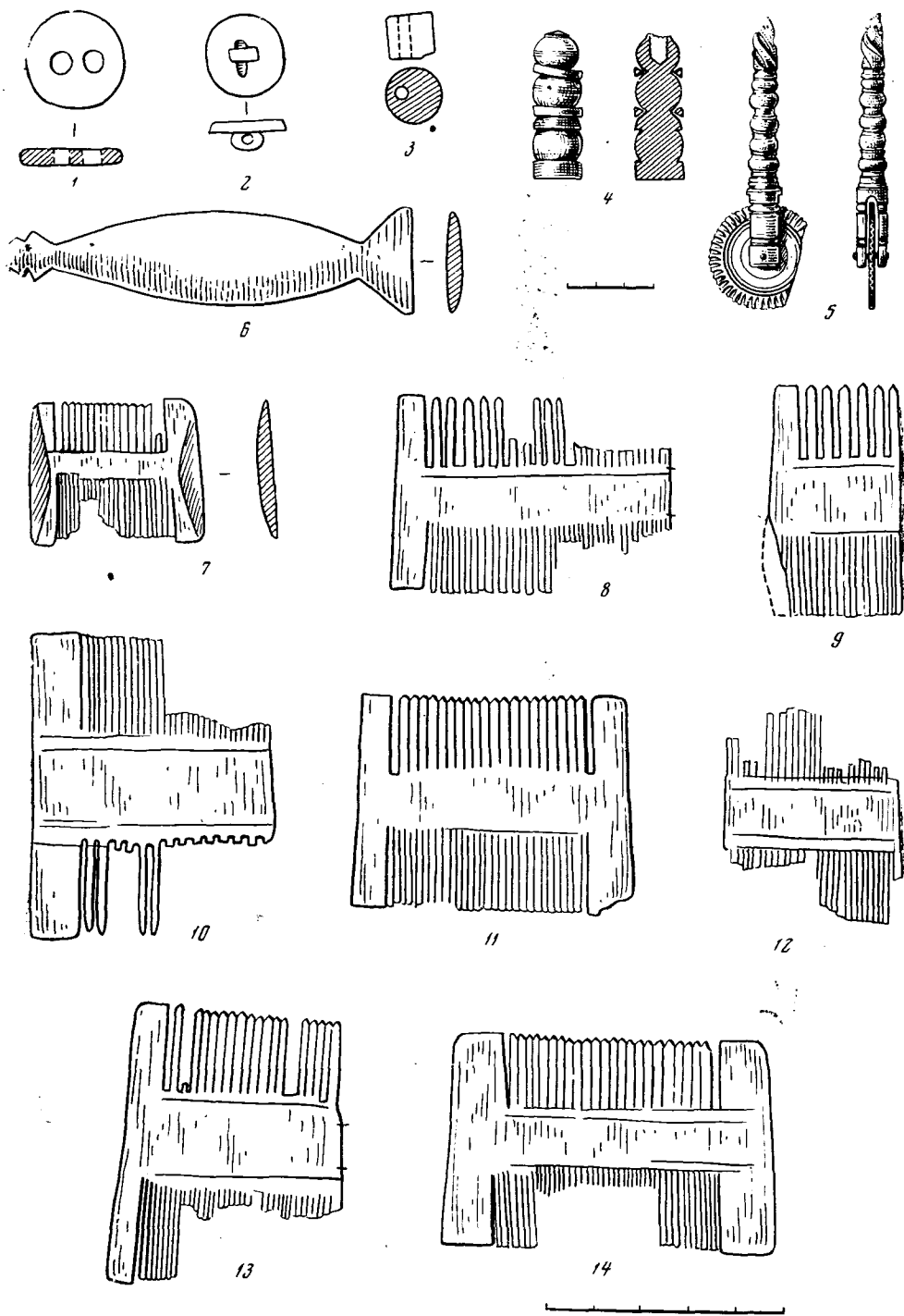

Таблица II. Костяные изделия из костерезной мастерской: 1, 2 — пуговицы с двумя дырочками и петелькой; 3 — цилиндр из кости; 4 — шахматная фигурка; 5 — пуансон; 6 — поделка из кости; 7—14 — гребни

Основная продукция мастерской — гребни прямоугольной или слегка трапециевидной формы — типичны для конца XVII — начала XVIII в.⁵ (табл. II, рис. 7—14). Подобные гребни — обычная находка в культурных слоях того времени. Среди гребней можно отметить миниатюрный гребешок, вероятно, детский, вырезанный из рога (табл. II, рис. 7). Почти на всех гребнях на обеих сторонах видны горизонтальные полосы — следы разметки мастера, нанесенные перед вырезанием зубьев.

Здесь же были найдены пуговицы с двумя дырочками и петелькой (табл. II, рис. 1, 2). Один из обнаруженных предметов по силуэту напоминает рыбу — голова передана уступами, хвост треугольником⁶ (табл. II, рис. 6).

При исследовании остатков жилой постройки рядом с мастерской обнаружены два столовых ножа с костяными ручками. Особый интерес представляют две вещи из плотной желтоватой слоновой кости, выточенные на токарном станке. Они отличаются мастерством и изяществом работы — это шахматная фигурка и пуансон (табл. II, рис. 4, 5). У шахматной фигурки не хватает верхней части, которая ввинчивалась сверху в специальное гнездо с нарезкой, что затрудняет определение фигурки в шахматном наборе. На донце имеются следы от закрепления ее в патроне токарного станка. Размеры фигурки невелики: высота — 4,5 см, диаметр покольной части — 1,5 см, верхней части — 1,4 см. По форме фигурка близка московским шахматам XIV—XV вв.⁷ и шахматам XVII в. с о. Фаддея⁸, хотя отличается от них сложностью профилировки и тщательностью в отделке всех деталей.

Для некоторой части холмогорских резчиков изготовление шахмат было обычным делом, они не раз выполняли царские заказы на поделку шахматных «статей»⁹.

Так, на царский указ 1670 г. об изготовлении для царского обихода десяти шахматных наборов и десяти гребней холмогорцы ответили, что из 23 «мастеровых людей» гребенщиков подобные вещи делали только трое — Дениско Зубов, Ивашко Катеринин и Кирилко Саламатин¹⁰.

Второй предмет из слоновой кости — пуансон со сложно профилированной ручкой (верхний конец ее обломан) и колесиком, закрепленным при помощи небольшого металлического штифта в развилке нижней части ручки (табл. II, рис. 5). Пуансон предназначался для предварительной разметки орнамента на коже. Холмогорские пуансоны более позднего времени по внешней отделке проще, менее изысканны¹¹.

Тут же, в мастерской, среди костяных заготовок и готовых изделий были найдены инструменты резчика. Заслуживает внимания нож с небольшим лезвием и длинным черенком (табл. III, рис. 6). В сечении лезвие ножа с одной стороны плоское, с другой — овальное. Наличие небольшого лезвия при длинном черенке указывает на специфическое назначение данного орудия — это нож резчика. Аналогичная находка была сделана в одном из Гнездовских курганов. В. И. Сизов так определяет функциональное назначение ножа: «...длинная рукоять заставляет предполагать в этом ноже какое-то орудие для ремесла, как например для резьбы»¹². Для скалывания кости применялся топор, для очищения от хрящей и надкостницы — небольшие железные лопаточки (табл. III, рис. 3, 4), различного типа напильники (табл. III, рис. 5, 9).

Находки в мастерской токарных лерок, которые применялись для получения полукруглых срезов (табл. III, рис. 1, 2), указывают на то, что резчик мог пользоваться

⁵ Трапециевидная форма гребней, возникнув еще в XI в., доживает до позднего средневековья.

⁶ Б. М. Зубакин приводит в своей книге выполненное холмогорским резчиком изображение рыбы, очень похожее на найденный предмет во время наших раскопок (см. Б. М. Зубакин, Указ. раб., табл. II, рис. 5, 6).

⁷ М. Г. Рабинович, Великий посад Москвы, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, М., 1955, стр. 78.

⁸ С. Н. Замятин, О старинных русских шахматах, сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.», Л., 1951, стр. 117—156.

⁹ М. С. Коган, История шахматной игры в России, Л., 1927, стр. 36.

¹⁰ И. М. Линдер, Шахматы на Руси, М., 1964, стр. 119—120.

¹¹ Б. М. Зубакин, Указ. раб., табл. III.

¹² В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, «Материалы по археологии России», вып. 28. СПб., 1902, стр. 58.

какой-либо разновидностью примитивного токарного станка¹³. Любопытны два предмета: один — циркуль для разметки по кости (табл. III, рис. 8), другой, по всей вероятности, — пинцет (табл. III, рис. 7).

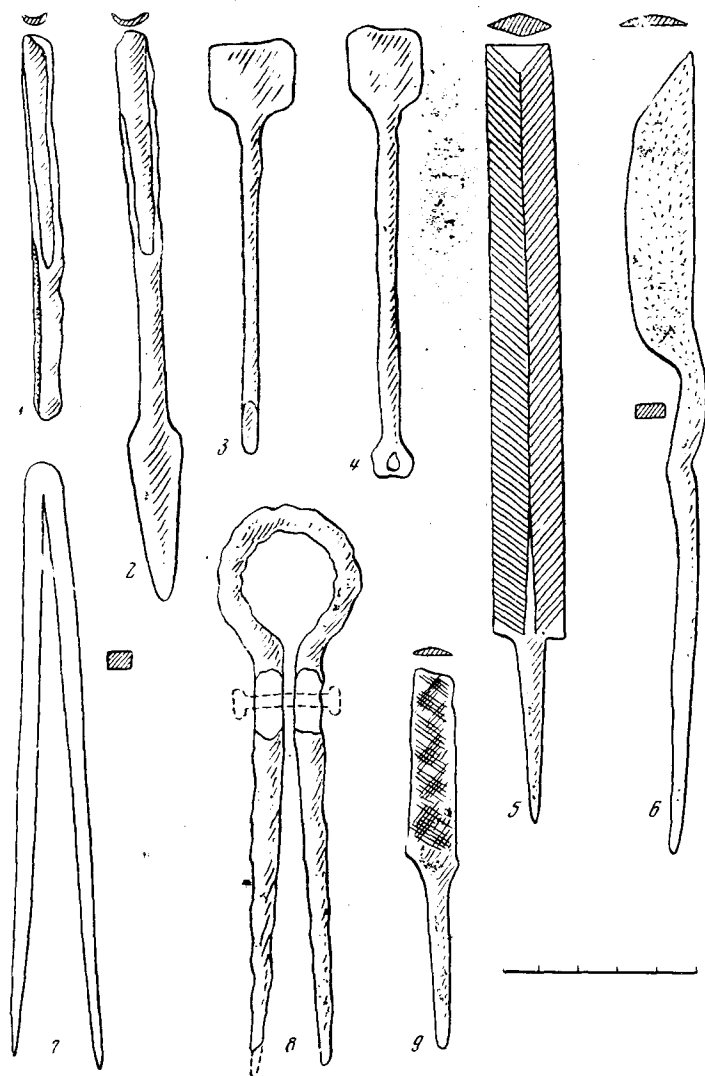

Таблица III. Инструменты костереза из мастерской: 1, 2 — токарные лерки; 3, 4 — железные лопаточки; 5, 9 — напильники; 6 — черенковый нож; 7 — пинцет; 8 — циркуль для разметки по кости

Безусловно, найденными орудиями не исчерпывался весь ассортимент инструментов костереза. Это вполне понятно, так как мастерская, как и весь жилищно-хозяйственный комплекс второго горизонта Падратурского посада, не носят следов катастрофической гибели. Найденные вещи были потеряны или выброшены владельцем.

Остатки костерезной мастерской с заготовками, изделиями, отходами производства и инструментами позволяют судить о конкретной обстановке, окружавшей мастера. Хозяйственно-жилой комплекс, в составе которого была мастерская, содержал вещи, свидетельствующие о различных видах производственной деятельности. Это — сельско-

¹³ Примитивными токарными станками холмогорские резчики пользовались до недавнего времени (например, мастер В. Т. Узиков, 1876—1939 гг.), см. Б. И. Зубакин, Указ. раб., табл. II.

хозяйственные орудия (серпы, жернова, вилы), различного вида рыболовные крючки, остроги, иглы для вязания сетей, деревообрабатывающие инструменты, разнообразные наборы молотков, пробойников — сочетание, характерное для хозяйственного уклада поморов данного периода.

Костерезное ремесло в экономическом укладе Севера. Развитие экономики северной части русского Поморья в XIV—XVI вв. не способствовало быстрому отделению ремесла от сельского хозяйства и промыслов. Основная особенность этого района — развитый межобластной обмен (обмен продуктов промыслов на продукты питания¹⁴) при слабом внутриобластном обмене. Эта особенность сохраняется и в более позднее время. Анализ рыночных связей Холмогор в XVII в. с рынками Сольвычегодска, Тотьмы и Великого Устюга показывает, что основной ассортимент вывоза — семга, палтус, треска, тресковый жир, ворвань, моржовые клыки, соль — обмениваются на хлеб, муку, крупу, горох, толокно. Небольшая плотность населения, связанная с этим узость внутреннего рынка, характер рыночных связей — все это тормозило развитие ремесла, замедляло процесс отделения его от промыслов и сельского хозяйства. Материалы с Падракурского посада наглядно иллюстрируют это.

Тем не менее вряд ли справедливо утверждение М. Богословского, что на Севере не было существенной разницы в экономической жизни между посадом и деревней¹⁵. Письменные источники, начиная с XVI в., называют целый ряд профессий ремесленников-холмогорцев: кузнецы, оконничники, кожевники, сапожники, портные, серебряники, гребенщики и т. д.¹⁶.

По всей вероятности, на рубеже XVI—XVII вв. происходит выделение костерезного ремесла. Обычно исследователи начинают достоверную историю холмогорской резьбы по кости с даты вызова в Москву холмогорского резчика Евдокима Шешенина, т. е. с 1656 г.¹⁷.

На самом же деле уже в первой половине XVII в. из Холмогор вывозятся крупные партии костяных изделий. Любопытный материал, который ранее не привлекался по этому вопросу, дают таможенные книги XVII в. по Устюгу Великому. Так, в 1633/34 г. устюжанин Фока Сидоровых привез «с Холмогор» 215 гребней слоновых больших и малых, «50 игор костей зерновых»¹⁸.

Во второй половине XVII в. таких записей больше: в 1676/77 г. холмогорец Андрей Баженин «явил» в Устюге «гребень слоновый 3 фунта»¹⁹, в 1678/79 г. холмогорец Иван Самочерный «явил» «100 гребней слоновых»²⁰, в том же году холмогорец Иван Гаврилов отправил в Вятку с Михаилом Шешениным «400 гребенья слонового и говяжьего мелкого»²¹. «Явки» изделий холмогорцев на рынки Великого Устюга, Вятки и других городов свидетельствуют о том, что холмогорские резчики обеспечивали не только местный спрос, но и работали на довольно широкий рынок поморских городов. В Устюге, например, этот товар пользовался большим спросом, так как местных резчиков было мало, и они не могли удовлетворить запросы рынка²².

В то же время холмогорские резчики испытывали порой недостаток в сырье, который компенсировался привозом «заморской» кости, главным образом слоновой, а также коровьей кости из Устюга.

¹⁴ Л. А. Данилова, Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XVI вв., М., 1955, стр. 290.

¹⁵ М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 126.

¹⁶ «Список Грамот Коллегии экономии», Л., 1922, т. I, № 108, 315, 321, 405, 463, 480; «Переписная книга 1676—1682 гг.», «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. 8, СПб, 1888, стр. 16 и др.

¹⁷ В. М. Василенко, Указ. раб., стр. 5; А. Успенский, Резьба по кости, «Золотое руно», 1908, № 11—12, стр. 23, и др.

¹⁸ «Таможенные книги Московского государства XVII в.», М.—Л., 1951, т. I, стр. 196.

¹⁹ Там же, т. III, стр. 17.

²⁰ Там же, стр. 277.

²¹ Там же, стр. 277. Трудно отделить костяную продукцию холмогорских резчиков, которая вывозилась в другие города, от покупки «заморского товара» с последующей ее перепродажей.

²² В городских книгах по Устюгу XVII в. упоминается очень небольшое число резчиков по кости (см. А. И. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Рынок Устюга Великого. М., 1960, стр. 442).

В 1650/51 г. только в одну «отправку» в Холмогоры прибыло 550 пудов говяжьего мяса²³, в 1676 г. Федор Миронов купил в Устюге «рогов скотских и поплыл на Холмогоры»²⁴.

Довольно значительное число резчиков — «мастеровых людей»-гребенщиков (согласно ответу на царский указ 1670 г.— 23 человека), большая товарность этого ремесла, наконец остатки костерезной мастерской, открытой на Падракурском посаде, позволяют по-новому взглянуть на развитие костерезного дела на севере России.

Наряду с выдающимися мастерами, чьи произведения представляли большую художественную ценность, в Холмогорах трудились рядовые ремесленники-костерезы, продукция которых широко расходилась среди посадского населения Поморья.

Вероятно, каждый ремесленник сбывал свою продукцию сам, в собственной лавке (лавки в Холмогорах располагались на Гостином берегу, в Новом Ряду и в Зимнем ряду), а кроме того, выполнял заказы. Не исключена возможность, что какой-то цикл своей работы резчик мог совершать в этом же помещении. По крайней мере, запасы кости хранились у мастеров в лавках²⁵. Если ремесленник жил в центральной части древних Холмогор, лавка у него могла быть пристроена к дому²⁶. При сбыте продукции костерезного ремесла в другие города в качестве посредника мог выступать скупщик. Однако чаще костерезы отправляли свой товар с ремесленником, который вез на продажу собственные изделия, а при таможенном досмотре заявлял, что это товар такого-то. Ремесленники-холмогорцы основных специальностей — котельники, медники, кузнецы — активно определяют пути сбыта и реализации своей продукции (особенно это характерно для второй половины XVII в.— времени сложения единого всероссийского рынка). Появляется такая форма экономической жизни как отходничество (например, котельники «отходят в Устюг на год — на два, иногда даже с семьями») ²⁷. Холмогорские резчики в это же время также активно участвуют в межрайонных экономических связях, определяя как рынки сбыта, так и районы получения сырья.

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что ремесленники-костерезы были во многих городах Московского государства XVII в. Чем же объясняется сложение устойчивого северного центра резьбы по кости, его успешное существование вплоть до XIX в.? На наш взгляд, это явление можно объяснить благоприятными условиями, позволившими перерасти этой отрасли из ремесла, обслуживающего сугубо утилитарные нужды местного городского и посадского населения (и соседние рынки), в художественный промысел. Не нужно забывать, что XVII в., особенно его вторая половина, был временем бурного экономического подъема Московского государства. Это не могло не отразиться на развитии прикладных ремесел. Именно в этот период начинает проявляться художественная специализация различных районов Московской Руси по изготовлению костяных изделий, эмалей, финифти, черни.

Северные костерезы в последней четверти XVIII в. Несколько иные условия для развития костерезного ремесла складываются в XVIII в., особенно во второй его половине. Для этого периода характерно определенное сокращение производства изделий северных резчиков на широкий (деревенский, посадский, городской) местный рынок и переориентация на вкусы и запросы привилегированных слоев городского населения. Совершенствование техники резьбы, узкая специализация на таком дорогом трудоемком материале, как редкие сорта кости привели к повышению себестоимости продукции, что в значительной мере вызвало сокращение рынка сбыта на месте. С этим связаны отходничество костерезов и переселение их в другие города, в первую очередь в Архангельск и Петербург.

В 1927 г. П. А. Камкин писал: «К сожалению, до настоящего времени мы не знаем имен холмогорских художников-резчиков, работавших в XVIII в. Подписные изделия из кости вообще большая редкость. Таким образом, век расцвета резьбы по кости в Хол-

²³ «Таможенные книги Московского государства XVII в.» т. II, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 45.

²⁵ Царский указ 1670 г. холмогорцы-резчики не могли полностью выполнить, так как «во время пожара в лавках у них кости вся сгорела, а купить де им после ярмонки было не у ково», цит. по: И. М. Линд е р, Указ. раб., стр. 119—120.

²⁶ «Сборник грамот коллегии экономии», Л., 1929, т. II, стр. 561.

²⁷ А. В. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Указ. раб., стр. 65; «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. II, стр. 178—179, т. III, стр. 29.

могорах сопровождается полным отсутствием сведений как об экономических формах этого искусства, так и об именах художников»²⁸. В последние годы имена многих северных резчиков, работавших в XVIII в. стали известны²⁹. Тем не менее до сих пор оставались неизвестными некоторые любопытные материалы конца XVIII в. В Архангельском областном историческом архиве есть два документа, которые дают новые интересные данные о составе и численности северных костерезов конца XVIII в. «Именная ведомость о торгах, рукоделиях и промыслах каждого и всех холмогорского посада граждан 1786 год»³⁰ и «Книга городских обывателей Архангелогородского общества 1786—1788 гг.»³¹.

Ведомость называет в Холмогорах 15 «костяных мастеров»:

1. Харитонов Илья, купец	—	«костяной мастер»
2. Андрей, его старший сын	—	—
3. Леонтий, младший сын	—	«работает костяном же ремесле в С.-Петербурге» ³²
4. Евлампиев, Кирилко	—	«костяной мастер», работает один ³³
5. Оковыринов, Степан	—	«костяных дел мастер», работает один» ³⁴
6. Оковыринов, Федор	—	«костяных дел мастер», работает один» ³⁵
7. Пономорев	—	«костяное рукоделие» ³⁶
8. Попов, Афанасий	—	«костяных дел мастер» } работают вдвоем ³⁷
9. Попов, Александр, его сын	—	
10. Скоморов, Иван	—	«костяных дел мастер», имеет одного работника» ³⁸
11. Харитонов, Иван	—	«костяных дел мастер», работает один» ³⁹
12. Харитонов, Петр	—	«костяных дел мастер», имеет одного работника» ⁴⁰
13. Треушков Филипп	—	«костяных дел мастер», работает один
14. Треушков Герасим	—	«костяных дел мастер», работает один» ⁴¹
15. Шестаков Иван Иванович	—	«костяных дел мастер», работает один» ⁴²

Таким образом, резьбой кости в 1786 г. в Холмогорах занимались 15 мастеров, причем один из них работал в это время в Петербурге. Два мастера имели по одному работнику.

«Книга городских обывателей Архангелогородского общества» перечисляет резчиков и указывает их возраст, но не дает о них других дополнительных сведений — о наличии работников, владении собственными домами. Документ перечисляет следующих резчиков по кости, работавших в 1786—1788 гг. в Архангельске:

1. Звягин, Стефан Григорьевич	—	«костяного гребенного дела мастер, 37 лет» ⁴³
2. Круговихин, Иван Елифанович	—	«костяного гребенного дела мастер», 50 лет, из Ненокских мешан» ⁴⁴
3. Созонов, Матвей Васильевич	—	«гребенного костяного дела мастер», 66 лет» ⁴⁵
4. Шешенин, Иван Степанович	—	«костяного резного ремесла в мастерах», 52 года» ⁴⁶
5. Шешенин, Иван Андреевич	—	«костяного резного ремесла мастер» ⁴⁷

²⁸ П. А. Камкин, Указ. раб., стр. 15.

²⁹ И. Н. Уханова, Указ. раб.; М. Рехачев, Указ. раб.

³⁰ Архангельский областной архив, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77.

³¹ Там же, ф. 49, оп. 3, ед. хр. 2930.

³² Там же, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77, л. 10.

³³ Там же, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77, л. 22.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, л. 34.

³⁶ Там же, л. 36.

³⁷ Там же, л. 37.

³⁸ Там же, л. 39.

³⁹ Там же, л. 42.

⁴⁰ Там же, л. 43, Ведомость отмечает, что Харитонов Петр собственного дома не имеет.

⁴¹ Там же, л. 41.

⁴² Там же, л. 47.

⁴³ Там же, ф. 49, оп. 3, ед. хр. 2930, л. 229.

⁴⁴ Там же, л. 240.

⁴⁵ Там же, л. 283.

⁴⁶ Там же, л. 304.

⁴⁷ Там же, л. 304.

Это же число мастеров (пять) дает и «Топографическое описание города Архангельского по запросам Санктпетербургской Императорской Академии наук, а по указам Вологодского наместнического Управления сочинено под присмотром Архангелогородского обер-коменданта, с помощью обоих Архангелогородских магистратов Губернского и Городового, трудами мещанина В. К. 1782 года»⁴⁸. Согласно этому описанию, один костерезный мастер из купцов «торгующих в лавках, но занимающихся рукоделием», остальные четверо — мещане. Судя по холмогорской «Ведомости», применение наемного труда в костерезном ремесле было незначительным (по одному работнику имеют лишь два мастера). Обычно мастера владеют собственным домом, в одном случае мастер (Харитонов Петр) не имел собственного дома, но держал одного работника. В холмогорском списке особенно сильно сказывается семейная традиция в обработке кости. Нередко отец и сын работали вместе.

Характерно, что если в XVII в. лавки имело большинство резчиков, то в XVIII в. они сбывали свою продукцию непосредственно заказчику (вероятно, в открытых торговых рядах), или через скупщиков. В усилении роли скупщиков можно увидеть дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в костерезном ремесле Севера.

Хотя письменные источники и дают представление об общем числе ремесленников-костерезов, но все же не раскрывают полную картину состояния костерезного ремесла. Безусловно, Холмогорами и Архангельском не исчерпывались представители этой профессии: до сих пор неизвестно число костерезов в районе Холмогор (Куростров, Матигоры и др.), в посадах близ Архангельска. Письменные источники (официальные документы, описания путешественников) порой дают разные сведения.

Тем не менее можно отметить, что удельный вес представителей костерезного ремесла среди ремесленников других специальностей был в Холмогорах гораздо больше, чем в Архангельске. Это вполне понятно, так как в Архангельске, как в главном порту Поморья с постоянно растущим населением, в первую очередь, должны были развиваться ремесла, обслуживающие нужды горожан и городской экономики.

⁴⁸ Архив Ленинградского отделения института истории АН СССР, ф. 36, 1, д. 440, л. 36, 39.